

Моск. правда - 1990 - 3 апр

Всегда от первого лица

«Играющий тренер «Локомотива» Жюль Лимбек выкинул меня из юношеской футбольной школы... догадавшись, что в нацеленном на ворота центр-форварде с неплохим ударом скрывается писателюшка. «Вы же писатель! Писатель...», — сказал он презрительно после разбора одной из трудных игр, когда я углубился в психологию наших противников...».

Тренер этот был жесток, хотя по-своему и прав. Но по-своему была права жизнь; футболист-неудачник действительно утвердился в ней как писатель. Его знают и любят в нашей

стране, много переводят за рубежом, и сейчас, как тот давний тренер-провидец, вам презрительно скажут «нет», если вы спросите в магазине книги Юрия Марковича Нагибина.

Повод встретиться с писателем представился самый что ни есть праздничный: 3 апреля Юрию Марковичу Нагибину исполняется 70 лет. И в этом же году — юбилей его литературной деятельности: 50 лет назад в «Огоньке» был опубликован его рассказ. (Первый блин комом, как и ведется на Руси, — считает его создатель).

несколько лет будоражит интеллигенцию и возбуждает самые разные страсти?

— Нет, в книге я о них не пишу, но как-то по телевидению поразмышлял о том, что если такой наш СП распустить, то бедды бы не было. А от ликвидации секретариата СП РСФСР с их сегодняшними делами была бы только польза. Скажите, а почему вы оглядываетесь?

— Ищу компьютер...

— Какой компьютер?

— Юрий Маркович, все мы знаем, что вы очень современный человек. Любите рыбалку, путешествовать, всем живо интересуетесь и при этом много работаете и много успеваете. Я ищу глазами компьютер — мне почему-то кажется, он у вас должен быть...

— О, нет! У меня очень громоздкий способ работы: пишу дедовским способом — от руки, потом перепечатаваю, по тексту текст правлю, потом снова перепечатаваю. Мои коллеги более прогрессивны: кто-то диктует стенографистке, как Симонов, либо печатает сразу, как Виктор Конечный. Есть и те, кто работает только на компьютере. Я как подумую, что надо переучиваться, так меня ужас берет. В этот день мне уже не вступать...

...Разговор с хозяином был не очень долгим. Последний взгляд — на множество книг, листы на рабочем столе, на «новенькие», только что полученные премии — Европейская премия Агридженте (Ю. Нагибин стал ее первым лауреатом в нашей стране), на венецианского Золотого Льва (а где здесь Оскар за фильм «Дерсу Узала»?). У калитки — стая разномастных, разношерстных собак. Они первыми в дачном поселке «Узунат» о возвращении Юрия Марковича из Москвы или дальней поездки и радуются при виде его от всех своих бездомных и беззачитных собачьих сердец: накормит.

Да, бывает и так: у человека накануне юбилея (даже двух) — грустные, страдающие глаза...

С. ИВАНОВА.
Фото В. МИТИНА.

— Юрий Маркович, многие ваши рассказы и повести автобиографичны, как и тот отрывок из рассказа, о котором мы напомнили вам и читателям...

— Многие. Жизнь подсказывает такое количество сюжетов, что только пиши. И, знаете, я когда-то даже немного страшился в молодости, что не хватит таланта, выдумки именно сочинять — о других и другом. Но когда в дальнейшем писал, то тоже все-таки шел от реальной жизни. Скажем, сценарий фильма «Председатель» построен на реальной жизни реального человека — Кирилла Орловского, повести и рассказы были тоже «из» и «от» жизни. В прозе на исторические темы, конечно, много авторской фантазии, выдумки, хотя я очень хорошо знаю эпоху, о которой пишу, и изучаю все источники — книги, мемуары, старые дневники, в которых ищу упоминаний моего героя или людей, с которыми он был знаком, дружен, или наоборот, их личные записки, как, например, князя Голицына из повести «Сильнее всех иных велений».

— Юрий Маркович, как вы вышли, к примеру, на тему забытых гениев, непризнанных творцов?

— Она открылась для меня совершенно случайно. Писал под диким нажимом сценарий о Чайковском. Заставлял себя это делать. И вот Таланкин, к моему ужасу и удивлению, выбрасывает из сценария кусок о покупке леса, который казался мне самым интересным: он был мой, мною выдуманный. И я стал думать, как его использовать. А так: почему бы не написать повесть, я еще никогда не писал на историческую тему. Отсюда пошел цикл «Остров любви».

Но, думается, среди многообразия тем есть у писателя Ю. Нагибина та, к которой он постоянно возвращается, — «вечная», если это приложимо к человеческой жизни: тема Москвы и москвичей. Звучит она чисто — без прикрас, без выдумки, всегда от первого лица, всегда с любовью и тревогой. Я думаю, что если бы мэра города выбрали среди писателей, то сегодняшний юбилей был бы вне конкуренции. И другое соображение — из области школьной педагогики: если бы наши московские учителя всерьез понимали, как важен для юных такой предмет, как краеведение (а Москва в этом плане неисчерпаема), вели бы эти уроки «по Нагибину», то сторожили бы, когда выпустит издательство «Детская литература» его книгу «Вспошлый звон» — об историческом центре столицы. А ведь и сейчас можно увидеть глазами московского писателя «за толстыми церковными стеклами — смятенную дрожь свечей» и «лиловый март» на Пушкинской, «пустоту и тишь еще не проснувшихся улиц», как когда-то он сам увидел наш город глазами своего отца: «...отец не признавал никаких городов, кроме Москвы. У него к Москве была такая же страсть, как у славянофилов... Много позже, уже взрослым, я познакомился с отцовской географией Москвы, поновому окрасившей для меня улицы, бульвары, парки и переулки этого города» (повесть «Встань и иди»).

«Окрасившей» — с ревностной любовью: «Как-то так получилось, что Москва с присущей ей беспечной щедростью уступила Пушкина Петербургу... А ведь был Александр Сергеевич уроженцем старой столицы... Судьбоносной для Пушкина Москва стала с появлением в его жизни Натальи Николаевны Гончаровой...». И ведет нас по всем пушкинским местам — по Чистым прудам, Большому Хари-

тоньевскому и Колпачному, Средней Пресне, сокрушаясь по «другим названиям»: «Да вернется Мясницкая в честь Пушкина...».

Для писателя старая Москва — непереименованная, «носящая родовые имена». Не Герцена, а Большая Никитская, не дом номер такой-то, а дом Хитрово, дом Талызина. Рассказчик порой «видит» то, чего не видят все: богатейское дерево, стоявшее в годы его детства вот здесь, на этом месте, ствол его, графический рисунок осенних ветвей на сером небе. Он помнит: не стало дерева, и в жизни образовалась еще одна пустота. «Не отдаст Москвы ни память писателя, ни его любовь к городу — и он стремится помочь маленьким музеям и чудачкам, возмечтавшим восстановить Сухареву башню, и в комиссиях разных заседает, и передачи по телевидению ведет о Москве, ее улицах, тупичках, храмах, домах, и пишет, пишет о ней...

Умеющий читать вберет в себя не только «географию» этих рассказов, не только историю, но и иную Москву, соединенную не бульварами и мостами, а «Москву человеческую» начала века и середины века: как были связаны семьи — дружеством и родством, как круг общения старших пополняли новыми знакомствами растущие дети, как торопились по вечерам на премьеры и спектакли зрелые театралы, а на улицах знали в лицо известных спортсменов, актеров, как спорили по вечерам «отцы» и «дети», одинаково запальчивые и неуступчивые, как — позже — пел Окуджава в тесных московских квартирах в самых разных уголках города. Эта потомственная, коренная Москва тоже почти разрушена...

— Юрий Маркович, мне кажется, что и этот смысл вы вложили в название «Вспошлый

звон» — тоску по разрушенным человеческим связям, по знакомству семьями, что было так свято для старой Москвы. Да и не можете вы чувствовать по-иному — коренной москвич, потомственный интеллигент...

— Каждый чувствует написанное автором по-своему, но думается, что эта книга будет интересна для читателей с разных точек зрения. В ней — и давняя история, и та Москва, которая «исчезла» на моих глазах — я о ней рассказываю как свидетель и очевидец: в ней и сегодняшний день города, и связанные с ним размышления. В книге много живых людей, наших современников, и уже ушедших. Знаете, я, когда работаю, меньше всего думаю, понравится ли написанное мною кому-нибудь. Когда получаю хорошие отклики, то, конечно, радуюсь...

— Только что, словно подгадав к юбилею, вышла ваша новая книга «Срочная командировка, или Дорогая Маргарет Тэтчер» и ее, конечно, уже не достать. Книга, безусловно, удивит тех, кто знает ваше творчество: острая, злая. Мы привыкли к мягкому, лиричному (даже сентиментальному), к такому поэтическому прозаику Юрию Нагибину...

— Да, такая перемена во мне произошла и оказалась более устойчивой, чем я вначале ожидал: сейчас пишу тоже цикл «злых» рассказов «Любовь-вождей». Это не вымысел — были. Мне надо выговориться, вышвырнуть из души всех этих бржежневых, сусловых и иже с ними, чтобы начать снова незамутненно видеть детей, женщин, мужчин, собак, деревья — словом, жизнь.

— Ваш отрицательный эмоциональный заряд не распространяется на «вождей» Союза писателей, чья деятельность уже